

Инга Томан

История в судьбах

Москва, издательство «Готика», 2008

Роман в письмах

«Возьмите, может быть, это Вам пригодится... Здесь лежат письма тетиного жениха», – сказала устало пожилая женщина, когда я уже стояла в дверях, собираясь уходить. С этими словами она протянула мне маленький, серый, местами изъеденный мышами чемоданчик.

За окном был темный декабрьский вечер, когда я разложила на столе грудку пожелтевших листков, исписанных аккуратным почерком. Это были письма на немецком языке, датированные 1912, 1913 и 1914 годами. Я наугад взяла одно из них.

«В эту ночь пришла зима. Все покрыто прозрачным серебристым покрывалом, сквозь которое проглядывает зелень. Природа исполнена предчувствием Рождества. Я уже пребываю в по-детски радостном рождественском настроении. В моей памяти всплывают рождественские праздники, которые я уже пережил, и я чувствую себя моложе. В прошлом году я впервые узнал, что ты меня любишь».

В сутолоке московских будней я почти забыла о том, какое время проходит мимо меня. Ослепительная иллюминация сделала звезды почти невидимыми, а грохот большого города заглушал тихие мелодии с небес. Но внезапно наступила светлая тишина. Время само напомнило о себе.

Это было настоящим чудом, которое может случиться только раз в году – и только в канун Рождества. Вначале я испугалась. А что, если это – наваждение, и чудо, по ошибке оказавшись в моей прозаической комнате, исчезнет, чтобы посетить того, кто уже давно ждал его? Но чудо не исчезало. Оно все так же пребывало передо мной в образе груды писем начала XX века,

написанных студентом Берлинского университета Вальтером Боте московской девушке Варе Беловой.

Студент-физик сочиняет музыку

Они познакомились летом 1912 года в Берлине, где Варя (в то время 18-летняя гимназистка) гостила с матерью в семье профессора Рунце – друга своего покойного отца – инженера Н.С. Белова. Молодые люди понравились друг другу, однако едва ли то была любовь с первого взгляда. Скорее всего между ними возникла взаимная симпатия, которая постепенно переросла в спокойную, но стойкую привязанность, основанную на общности интересов, сходстве темпераментов и отношении к жизни. И вполне естественно, что после возвращения Вари в Россию между ними завязалась переписка.

Письма 1912 – начала 1913 г. сдержанны и несколько церемонны. Вальтер обращается к Варе на «Вы» и называет «фрейлейн Барбара». Он пишет ей о своей работе, делится впечатлениями от прочитанных книг и концертов, рассказывает о своих занятиях музыкой... Впрочем, уже из первого письма, посланного в Россию, выясняется, что в доме, где часто бывала Варя, Вальтер будет «особенно болезненно чувствовать отсутствие Кого-то», а из второго письма московская гимназистка узнала, что после ее отъезда прилежный студент-физик стал сочинять музыку и учить русский язык.

«Я очень много играю на рояле, особенно моих любимых композиторов – Шопена и Брамса. А что вы об этом скажете: я вновь сочиняю музыку, и не только в голове, но и на бумаге. Довольно неумно с моей стороны! Недавно купил за 50(!) марок старую русскую грамматику. Посмотрим, что из этого получится. Очень тяжело, когда некому исправлять ошибки. Пожалуйста, не работайте слишком много, лучше играйте побольше на скрипке. Если выпадет счастье, в будущем году будем музицировать вместе».

«Не принимайте меня за педанта!»

Посоветовавшись с матерью, Варя пригласила Вальтера в Москву на Рождественские каникулы. Его неоднократно высказываемое в письмах желание увидеть ее катающейся на коньках, ее дом и ее комнату, его мечты о совместном музицировании и, наконец, интерес к русской архитектуре не оставляли сомнений в том, что приглашение будет принято. Но этого не произошло. «Спасибо Вам и Вашей матушке за любезное приглашение», - писал Вальтер в ответном письме, – но это невозможно. У меня очень мало времени для моих экзаменационных работ. Мне нельзя терять ни дня, и каникул у меня вообще не будет. Я должен как можно скорее стать самостоятельным, потому что мне надо считаться со своими родителями. Ради Бога, не принимайте меня за педанта!»

Варя ни словом не упрекнула Вальтера, ибо понимала, что такое чувство долга перед родными. Сама она с нетерпением ждала окончания гимназии, чтобы начать работать и стать опорой семьи вместо матери, которая, овдовев в 32 года, стала заведовать казенной винной лавкой, чтобы дать образование троим детям. Варя понимала, на какое самопожертвование пошла мать, чтобы она выросла благовоспитанной и образованной барышней, и чувствовала лежащий на ней груз ответственности. Она даже подумывала о том, что ей вообще не следует выходить замуж, покуда младшие брат и сестра не встанут на ноги. Однако мать не хотела видеть дочь старой девой. Серьезный и интеллигентный молодой человек ей понравился, и она готова была пойти на непредвиденные расходы и хлопоты, связанные с его приездом, но...

Итак, рождественские и новогодние праздники молодые люди провели врозь.

Барбара становится Варей

6 марта 1913 года во взаимоотношениях молодых людей произошло знаменательное событие: «фрейлейн Барбара» превратилась в «Варю», причем

дорогое имя Вальтер написал русскими буквами. Было ли это заранее продуманным шагом или новое обращение возникло спонтанно, под впечатлением особенно понравившейся фотографии, посланной в последнем письме, - неизвестно. «Вы должны оставаться всегда такой же простой и естественной, как сейчас, это мне нравится», - пишет он в ответном послании.

Эта фраза была уже не первым намеком на то, что серьезный немецкий студент хотел быть Варю «больше, чем другом». В одном из предыдущих писем, отвечая на модный в то время вопрос о женском образовании, Вальтер пишет следующее: «Так как я ненавижу все неестественное, я терпеть не могу женщин, которые учатся, чтобы подражать мужчинам. Они сбрасывают свою женственность, как неудобное платье, и надевают взамен другое, которое им не идет. Большинство женщин не подозревает, какую силой наделило их сердце. Мужчина добивается своего, как правило, разумом. Женщина должна действовать лишь сердцем. Мужчина – ум, женщина – душа. Одно необходимо другому. Для женщины, которая много занимается науками, велика опасность, что она забудет свою природу и потеряет себя. Такие женщины рано или поздно придут к страшному осознанию того, что они утратили нечто невозвратимое. Призвание женщины отличается от призвания мужчины. Я могу еще много об этом писать, но Вам – не могу, так как должен буду тогда выдать свою заветную мысль...»

Заветную мысль Вальтера Варя, конечно, поняла. Поняла она также и то, что эта тирада имела одну единственную цель – дать ей понять, какую именно спутницу жизни хотел бы иметь Вальтер.

Идиллическое настроение Вальтера, превратившего, наконец, «фрейлейн Барбару» в «Варю», продолжалось недолго. Через пять дней она была «разжалована» во «фрейлейн Белову». В чем причина подобной метаморфозы, неизвестно. Возможно, Варя позволила себе усомниться в серьезных намерениях своего друга.

Вальтер был страшно оскорблен. «Я уже начал хоронить свои воспоминания, ибо, с одной стороны, считаю невозможным отвечать на Ваше

письмо, так как оно содержит обвинения, оправдания против которых ниже моего достоинства; с другой стороны, мне нечего ожидать, что Вы возьмете свои обвинения обратно», - так начинается его письмо от 11 марта 1913 года.

Прочитав первый абзац, Варя поняла, что это – конец. Но не письма. Оно имело продолжение, содержащее пространное рассуждение о том, кто из них больше достоин жалости и сострадания, а также сожаления по поводу своей прежней излишней снисходительности. «Я терпел в Вас то, чего бы не терпел в любой другой девушке, потому что всегда вникал в Ваш внутренний мир. В этот раз, вероятно, мне надо будет больше времени на это». Прочитав последнюю фразу, Варя успокоилась. К тому же в конце письма Вальтер устанавливал точный срок, который требовался ему, чтобы понять, простить и забыть: «Вы мне должны дать пару дней для того, чтобы забыть. С сердечным приветом».

Нетрудно догадаться, что в следующем письме «фрейлейн Белова» снова стала Варей. «Нам надо все забыть, все должно быть по-прежнему. Мефистофель, сидящий в нас, часто подвигает нас мучить тех, кто нам всего дороже», - пишет Вальтер в следующем письме.

«...Так тяжело быть разлученным с тобой»

В мае 1913 года по приглашению семьи Рунце Варя вновь приехала в Берлин, где прожила до конца сентября. Вальтер и Варя вместе ходили в музеи и на концерты, говорили о литературе. В это лето, через год после начала знакомства, они перешли на «ты», однако в их отношениях не было идиллии. Вальтер много говорил о своих чувствах, однако так и не сказал того, чего ожидала Варя. 19 сентября она уехала в полном неведении относительно планов Вальтера, касающихся их совместной жизни.

«Только что пришел с вокзала домой, - писал ей Вальтер в тот же день. – Я не знал, что это так тяжело, быть разлученным с тобой. Целый день я только и думал: Барбара уехала. Я слышал звон колоколов и думал: колокола

звонят, потому что Барбара уехала. Почему ты должна была уехать осенью? Я только сейчас заметил, что листья уже начинают осыпаться с деревьев».

В течение месяца письма Вальтера были исполнены нежности, тоски и возвышенных чувств.

«Ты заметила однажды, что у меня лишь страдание, а не любовь. Когда иссякнет страдание, считаешь ты, иссякнет и любовь. Нет, это совсем по-другому! Конечно, есть и страдание в моей любви, но я отчаянно борюсь с ним, и ты должна помочь мне в этом. Иногда в тебе столько невыразимой женственности, что я готов молиться на тебя. Ты должна быть всегда такой. Тогда я буду действительно по-настоящему любить тебя, тогда ты будешь иметь надо мной безграничную власть. Тогда за страданием меня будет ждать тихая святая любовь. Когда я думаю о тебе, на душе у меня часто становится так торжественно, как в храме...» «Ты часто для меня подобна матери, и мне кажется, что потому я люблю тебя так сильно. То, что ты написала о своем душевном состоянии, кажется написанным мной самим. У меня такое чувство, что у меня вырвана часть моего сердца».

Что может чувствовать любящая и любимая девушка, читающая эти и подобные письма? Счастье? А, может быть, тревогу и страх? Она была для Вальтера воплощением вечно женственного и материнского начала, он готов был преклоняться перед ней, как перед святой. Он создал из нее возвышенный мистический образ, соответствующий его книжным рафинированным идеалам, но сама она – простая девушка из плоти и крови, живущая в нужде и заботах, - насколько она его интересовала? Принял ли бы он ее такой, какой она была на самом деле, какой она себя чувствовала? Или он любил только свою мечту о ней?

Между тем Варя, уже окончившая гимназию, стала работать учительницей. У нее было слабое здоровье, и, по-видимому, педагогическая деятельность ее сильно утомляла. Вальтер в письмах проявлял о ней нежную заботу, уговаривал меньше работать, но могла ли Варя внять его советам? Она должна была зарабатывать себе на жизнь и помогать семье. Поменьше или

совсем не работать она могла лишь в одном случае... Однако об этом в письмах из Берлина не было речи, хотя Вальтер уже работал и был материально независим от семьи.

«Мы друг друга не понимаем»

По-видимому, Вальтер не мог не чувствовать тревожного настроения Вари. Он понимал, чего она ждет от него, и решился поговорить с ней начистоту. «Добрая, дорогая, единственная Варя, представь себе хоть раз: через несколько лет мы поймем, что все наши ожидания были ошибочны. Пусть хоть раз заговорит в тебе умная женщина. Ты сама мне однажды сказала, что ты, возможно, из чувства долга перед твоими родными не должна будешь выходить замуж. Я еще так молод, так неопытен. Выйдет ли из меня что-нибудь? Настоящая жизнь, которая покажет, на что я способен, только начинается. У нас есть только два варианта: или расстаться, или вести жизнь, полную нужды и серых будней. Но что тогда? Я не думаю о себе самом, я думаю только о тебе. Если бы я знал, что сделаю тебя счастливой, я бы связал свою жизнь с твоей», - писал Вальтер 27 октября 1913 года.

В следующем письме Вальтер договорил все до конца: «Я еще не вправе связывать с собой судьбу человека, и потому считаю, что мы должны жить больше для себя и не так часто писать друг другу. Ведь наши души всегда вместе. Мы настолько крепко связаны друг с другом, что мысль о долгой разлуке мне не страшна. Но все-таки лучше, если мы будем жить больше для себя. Если мы будем часто видеться и писать друг другу, тоска заберет все наши силы. Только тот боится разлуки, кто не уверен в своей любви. Ты теперь понимаешь, почему я не хочу приехать на Рождество? Я хочу употребить зимние каникулы на то, чтобы подготовиться к экзаменам. Я мог бы привести тебе это как единственный аргумент, если бы я был неискренен. Но ты видишь, я с тобой совершенно откровенен и рассказал тебе обо всех своих мотивах, насколько сам их понимаю».

Что будет в следующем письме? Просьба не писать ему больше? Но Варя не могла думать об этом. Она понимала, что упреки и жалобы бесполезны, даже если Вальтер привязан к ней одной. Только долготерпением и спокойной преданностью, только любовью, ничего не ждущей взамен, только стремлением понимать, но не быть понятой, можно сохранить любовь этого эгоиста с гипертрофированным чувством долга, которому она навсегда отдала свое сердце.

Дальнейшие письма Вальтера убедили ее в том, что он оценил ее мужество и по-прежнему любит ее. «Ты меня поняла так хорошо, как только может женщина понять мужчину», - писал он ей. – Я строг к тебе потому, что должен быть строгим к себе. Радуйся лишь свиданию и не спрашивай, когда это будет».

Больше месяца Варя не отвечала, и, наконец, в начале февраля Вальтер получил долгожданное письмо. О его содержании можно догадаться по ответному посланию: «Ты все забыла, о чем я тебе писал! Ты говоришь, что «у нас» будет собака, ты приглашаешь меня опять! Немка так бы никогда не поступила, и немец этого бы никогда не потерпел. Я думал, что ты меня понимаешь, но это не так. Мы вообще друг друга не понимаем». В заключение он просил Варю не писать ему больше никогда.

Отправив письмо, Вальтер, вероятно, почувствовал раскаяние за свои жестокие слова. Через несколько дней он написал ей второе письмо, в котором благодарил за счастье, которое она ему подарила. «Его было бесконечно много, и его хватит на всю мою жизнь. И я желаю тебе, чтобы еще раз ты была так счастлива, как ты этого заслужила. Я не мог бы сделать тебя счастливой, потому что всегда бы мучил тебя. Барбара, будь счастлива!»

Шесть лет спустя

Эта история могла бы не иметь никакого продолжения. Тем более, что через несколько месяцев началась Первая мировая война, которая должна была бы доказать обоим, какую ошибку они совершили, полюбив друг друга,

и как мудро поступили, вовремя расставшись. Однако произошло как раз наоборот. Война, ввергнув молодого ученого в бессмысленную кровавую бойню, заставила его по-иному взглянуть на жизнь. Его голова теперь не была занята ни экзаменационными треволениями, ни научной работой, ни честолюбивыми планами. Каждый день, видя перед собой лишь страдания и смерть. Он понял самодостаточную ценность простого человеческого счастья, которого навсегда будет лишен даже если останется в живых: ведь он потерял ту единственную, с которой оно было возможно. Затем он попал в плен и оказался в лагере для военнопленных в Нижегородском уезде. И здесь, в начале 1916 года, он получил письмо от нее...

Неизвестно, как она его нашла и что ему написала. Вероятно, ее письмо было так же лаконично, как и его ответ, ибо оба знали, что их отношения могут заинтересовать военную цензуру.

«Спасибо за Ваш привет, пришедший ко мне недавно. Охотно Вам отвечаю. Знаю, что время требует и от Вас нести тяжелое бремя. Желаю Вам сил исполнить свой долг. И Вашему брату на полях сражений всего хорошего».

Второе письмо Вальтера, датированное ноябрем 1916 года, прислано из Забайкалья. В нем он просит не писать ему больше, желая избавить Варю от возможных неприятностей.

После окончания войны Вальтер вновь дал о себе знать. В плену он выучил русский язык, и его несколько коротких писем написаны уже по-русски.

Прошло еще два года. И вот однажды летним вечером 1920 года в дверь комнаты коммунальной квартиры, где жили Беловы, кто-то постучал. Варя открыла. На пороге стоял Вальтер.

8 июля 1920 года Московским губернским загсом был зарегистрирован брак Вальтера Боте и Варвары Беловой. В том же году они уехали в Германию.

Вместо эпилога

После возвращения на родину Вальтер продолжил научную работу, и его целеустремленность и трудолюбие увенчались успехом. Он стал выдающимся физиком, имя которого хорошо известно специалистам. Он был профессором Гейдельбергского университета (1932-1934, 1946-1957) и директором Института физики при институте медицинских исследований им.Макса Планка (1934-1957). По-видимому, в годы национал-социализма он вел себя насколько достойно, насколько это было возможно в той ситуации, о чем свидетельствует присуждение ему Нобелевской премии в 1954 году за научные заслуги.

Варя не дожидая до этого торжества. Она умерла в 1951 году. О ее тридцатилетней супружеской жизни почти ничего неизвестно. Ясно одно: на ее долю выпало много страданий. Невозможно вообразить, что пережила и передумала она в годы национал-социализма и Второй мировой войны. Но рядом с ней были ее дочери и тот единственный, кого она любила и кому посвятила свою жизнь.